

Библиографический список

1. Белевская, М. (Летягина). Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве. 1915—1918 г. Личные воспоминания / М. Белевская. — Вильно: Тип. Я. Левиной, 1932. — 48 с.
2. Бубнов, А. Д. В Ставке Верховного Главнокомандующего / А. Д. Бубнов, В. М. Пронин. М.: Вече, 2014. — 320 с.
3. Данилов, Ю. Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и Великом Князе Михаиле Александровиче / Ю. Н. Данилов // Архив русской революции: В 22 т. — М.: ТЕРРА, 1993. — Т. 19. — С. 212—242.
4. Дневники императора Николая II / Общ. ред и предисл. К. Ф. Шацилло. — М.: Орбита, 1992. — 736 с.
5. Лемке, М. 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916) / М. Лемке. — Петербург: Госиздат, 1920. — 859 с.
6. Лукомский, А. С. Из воспоминаний / А. С. Лукомский // Архив русской революции: В 22 т. — М.: ТЕРРА; Политиздат, 1991. — Т. 2. — С. 101—190.
7. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы / Вступ. ст. Л. Китаева, М. Кольцова. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 336 с.
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. — Т. 5. — Мінск: БелЭн, 1999. — 592 с.

Луговцова Светлана Леонидовна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ХРОНИКА СОБЫТИЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ Я. ДРОЗДОВИЧА

Бурные события, начало которым было положено в феврале 1917 г., нашли многостороннее отражение на страницах воспоминаний белорусского живописца, графика, скульптора, этнографа, археолога и исследователя космоса Язепа Дроздовича. Язеп Нарцизович был призван в российскую армию ещё в 1910 г. В 1912—1913 гг. он закончил фельдшерские курсы, после чего был направлен в приволжский Вольск. С началом Первой мировой войны отправился со своим полком под Люблин. В 1914 г. автор воспоминаний заболел брюшным тифом, лечился в госпитале и получил семимесячный отпуск на родину. Летом 1915 г. Дроздович был вынужден вернуться в армию: в Дисне делал мобилизованным прививки от оспы. Немецкое наступление вынудило лазарет эвакуироваться. К началу 1917 г. он находился в составе запасного полка, расположенного в миле от Вышнего Волочка [2, с. 513—515]. Дроздович стал свидетелем «метаний» литерного поезда Николай II, когда император пытался пробиться в мятежный Петроград, но вынужденно вернулся во Псков; перехода власти к новым органам; парадов Свободы в Вышнем Волочке и Петрограде; процедуры избрания командного состава в воинских частях.

Я. Дроздович рассуждает о причинах революции и на первое место ставит последствия бесконечно долгой изматывающей для российского солдата Первой мировой войны. Автор воспоминаний фиксирует изменение отношения к личности императора в солдатской среде. Если в начале войны царя чтили, как существо некой высшей природы, идеальное и непобедимое, то после череды неудач и поражений на фронте его образ превратился в бессильного, неспособного править страной человека, который и сам править не мог и другим не давал. Большое влияние на изменение настроений солдатской массы,

по мнению Дроздовича, оказали выступления думских деятелей и их публикация в прессе, критика действий правящей фамилии. Жену императора солдаты считали явной сторонницей Германии. Когда в 1915 г. газеты сообщили, что императрица благословила иконами крепости Ивангород, Новогеоргиевск, Осовец и Ковно, а через неделю все эти крепости, включая героический Осовец, сдались — солдаты говорили: «вот как она их благословила...», принимая благословение императрицы за условный сигнал на сдачу [2, с. 517]. Народ верил в самые невероятные слухи относительно самого Николая II и членов его семьи, и, чем более были образованы собеседники Дроздовича, тем большим тираном считали они императора. Его правление сравнивали с эпохой Ивана Грозного, считая преступления последнего Романова даже большими по отношению к средневековому правителю [2, с. 518].

Рассуждения Дроздовича созвучны осмыслению причин февральских событий 1917 г. в воспоминаниях других военнослужащих. В частности, полковник Д. И. Ходнев отмечал ключевую роль «избранников народа» П. Н. Милокова, А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова в антиправительственной агитации и пропаганде [4, с. 252]. Генерал А. А. Брусилов утверждал, что к Февралю 1917 г. вся армия — на одном фронте больше, на другом меньше — была подготовлена к революции [1, с. 277].

Язеп Дроздович, безусловно, пацифист, он ненавидел войну не только за то, что она забрала лучшие годы его собственной жизни, но и за бессмысленное убийство миллионов людей, которых «звялі на ўзаемную бойню ўладыкі зямныя дзеля ўлады і славы сваёй» [2, с. 514]. «Не пайшла б так легка, так адразу насустрач пабеданоснаму рэвалюцыйнаму Петраграду такая вялікая краіна, як «Расійская імперыя», каб нязмучаны вайной салдат ды Гасударственная Дума, якая яшчэ загады прадачуваючы гібель црызму, падгатоўіла сама сабе грунт пад кіраўніцтва вынікамі спадзяванай рэвалюцыі», — как бы подводит итог своим размышлениям о февральских событиях Я. Дроздович [2, с. 523].

В воспоминаниях зафиксирована потрясавшая современников скорость, с которой революционные события в Петрограде находили поддержку в других городах Российской империи. Если в Москве в последние дни февраля военные по-прежнему отдавали друг другу честь, а к фельдшеру Дроздовичу обращались на «ты», то буквально через пару дней в Верхнем Волочке грубое «ты» превратилось в вежливое «вы», а вместо отдания чести военнослужащие стали говорить друг другу «привет» [2, с. 518].

10 марта в Верхнем Волочке праздновали День свободы. Павловский запас, в составе которого находился Дроздович, в полном составе участвовал в праздничных мероприятиях. «У змучаным сэрцы салдата цвіла «свабода». Бо ніжні чын — салдат, гэта быў ў царскія часы запраўды прыніжаны, паграджаны, на кожным кроку руганы, лаяны нявольнік», — свидетельствует автор [2, с. 518]. Дроздович передает тот восторг, ту, полную надежд атмосферу, которая охватила военнослужащих и жителей города. Он подчеркивает мирный характер революционных событий в Верхнем Волочке в отличие от Петрограда, где численность жертв революции оценивалась современниками от 1 до 15 тыс человек [3, с. 33].

В первые дни марта в Верхнем Волочке обезоружили полицию и выбрали народную милицию, прошли также выборы командного состава в воинских частях. Положение тех командиров, которые были грубы и бесцеремонны

с подчиненными резко ухудшилось. Одновременно положение таких людей, как автор воспоминаний, улучшилось. Дело в том, что на протяжении военных лет Дроздович постоянно заботился о больных солдатах, не раз рисковал попасть под дисциплинарное взыскание и буквально «с боем», устраивал тяжёлобольных военнослужащих в переполненную городскую больницу.

В воинской части, где служил автор воспоминаний, было всего 2 офицера, 2 фельдфебеля и два врача ветеринара, должности которых объявили выборными. Больше всех солдатам досаждал «генерал Кашенко» — прапорщик 1-го отделения, мастер «матушку загнуть». «Бешеным» называли ветеринарного врача Рожнова, который набрасывался с руганью на подчиненных по малейшему поводу [2, с. 518—520].

Несмотря на появившуюся свободу выбора, солдаты проголосовали за старых военачальников, руководствуясь принципом: «А вдруг пришлют нам взамен какую-нибудь дрянь похуже этого!» [2, с. 521]. Отметим, что далеко не везде в ходе выборов командного состава солдаты вели себя столь миролюбиво. В Московском полку должности сохранили всего 35 офицеров, т. е. лишь почти половина штатного состава. В запасном батальоне Московского полка к лету 1917 г. из 75 офицеров на службе остался 21 — в основном прапорщики и подпоручики [5, с. 12]. Многие офицеры стали жертвами расправы со стороны солдат. Наиболее драматические события разыгрались в Луге, где составом гвардейской кавалерии заведовал генерал граф Г. Г. Менгден и его помощник граф Г. А. де Брозль-Платтер. Эти аристократы вызвали к себе ненависть только потому, что их считали немцами и уже по этой причине изменниками. Они были буквально растерзаны толпой, несмотря на то, что за них заступились нижние чины [5, с. 9].

«Очарованность» революционными событиями довольно быстро сменилась в сердце автора глубоким разочарованием. Пришло осознание, что «беларусам, як «іншародцам» спадзявацца на поўнае «самоопределение» без бою было нечага», что «свабода — гэта брама з няволі...» [2, с. 524]. Разочарованность в общественных событиях усилилась на фоне серьезных проблем со здоровьем. В начале лета 1917 г. Дроздович резко ослабел и похудел. Врачебная комиссия в Москве установила диагноз — неврастения — и предоставила ему двухмесячный отпуск домой, из которого в российскую армию он уже не вернулся. Первым делом Дроздович отправился в Петроград, расположенный недалеко от его армейской части, чтобы использовать редкую возможность общения с близкими по духу людьми и знакомства с шедеврами Зимнего дворца. День освобождения автора от военной службы — 28 июня — совпал с проведением Парада свободы в Петрограде, на котором был представлен широкий спектр общественных сил от гвардейских офицеров до анархистов и большевиков, что ярко отражено в воспоминаниях.

Описание калейдоскопа событий февраля-июня 1917 г. в изложении Я. Дроздовича ошеломляет глубиной философских рассуждений. В частности, разоблачая бессмысленность человеческих жертв Первой мировой войны и обвиняя в этой бойне правителей государств, автор продолжает: «Звялі вас на ўзаемную бойню ўладыкі зямныя дзеля ўлады і славы сваёй... Звялі вас і самі ўпалі — паваліліся іхнія гордыя троны... на іх месцы прыдуць важакі чынгісаханаўскага тыпу, Мамаі, Тамерланы, і таксама падуць, а разам з імі і іхнія ўлады...» [2, с. 514]. На наш взгляд, на страницах воспоминаний Дроздо-

вича нашел отражение дар предвидения, которым обладал автор. В частности, художник зафиксировал свой разговор с Б. И. Эпимахом-Шипило от 28 июня 1917 г., в ходе которого он разъяснял содержание собственных картин организатору товарищества «Заглянет солнце и в наше оконце». На протяжении мучительных лет в российской армии все свободное от службы время Я. Дроздович много рисовал, лепил, собирал коллекцию окаменелостей. Не имея возможности, сохранить плоды творчества в армейских условиях, он дарил их и отправлял на хранение разным знакомым, в том числе и Брониславу Игнатьевичу Эпимаху-Шипило. Уже в работах, датированных 1916 г., автор предсказал гибель царя с наследником; лавину повторной революции, которая сотрет всё на своем пути; раскол и взаимоуничтожение в лагере революционеров; угрозу России в будущем со стороны Японии [2, с. 516]. Наконец, ещё за четыре года до окончания службы в армии в ответ на заданный им вопрос, где он завершит военную службу, Дроздович увидел во сне купола церкви Вышневолоцкого монастыря. И спустя годы действительно получил увольнительную из части, расположенной совсем не далеко от известного пятикупольного храма.

После увольнения из армии Язеп отправился к матери, державшей в аренде фольварок Красовщина на Дисненщине, недалеко от местечка Германовичи. Он был рад оказаться в кругу большой семьи. Спасаясь от наступления немцев, к матери приехала старшая сестра Дроздовича Леокадия с дочками, зятями, внуками. Здоровье Язепа пошло на поправку, и он решил «аддацца супольніцкай працы на карысць людзей немаможных» [2, с. 537]. Дроздович организовал в Германовичах районный продовольственный комитет, и был избран его председателем. Параллельно занялся организацией кооперативного товарищества «Белорус», быстро превратившегося в самый крупный по количеству пайщиков (ок. 800) кооператив на Виленщине. Я. Дроздович также активно занимался проблемой возрождения Германовичской волости, разделенной к 1917 г. между тремя волостями [2, с. 537].

Во время этой напряженной общественно-значимой работы пришло известие об аресте в Петрограде членов Временного правительства, установлении власти большевиков во главе с В. И. Лениным. Я. Дроздович с одобрением встретил эти новости, он разделял призывы большевиков прекратить военные действия и наделить крестьян землей. Правда, новая власть не успела закрепиться на Дисненщине до очередного наступления немецкой армии. Ни о каких демократических преобразованиях и активной общественной работе под властью немецкой военной администрации думать не приходилось. Однако, как только Дроздович узнал о создании Советской Беларуси в 1919 г., он сразу отправился в Минск, туда, где, по его мнению, мог быть полезен своему народу, его национальному самоопределению.

Таким образом, судя по воспоминаниям Я. Дроздовича, накануне Февральской революции в умонастроениях, как нижних армейских чинов, так и образованных людей Москвы и Петрограда господствовало негативное отношение к императору и его супруге. Десакрализация власти, интенсивно продолжавшаяся в течение Первой мировой войны, к 1917 г. достигла угрожающих размеров. Однако восторг от обретения долгожданной свободы, период ярких митингов и красных бантов сменился разочарованием: новая власть не принесла мира и достатка измученному войной солдату. Не интересовали Вре-

менное правительство нужды и чаяния белорусского народа, само существование которого отрицалось. Ещё в марте 1917 г. к Дроздовичу пришло понимание, что самоопределение невозможно «без боя» [2, с. 524]. Октябрьский переворот он воспринял, как продолжение революции в России. Декреты большевиков о мире и земле, а главное — создание самостоятельной белорусской республики — определили его поддержку новой власти, вызвали стремление участвовать в работе по строительству новой Беларуси.

Библиографический список

1. Брусилов, А. А. Мои воспоминания. Брусиловский прорыв / А. А. Брусилов. — М.: Эксмо, 2013. — 480 с.
2. Драздовіч, Я. На пазахатнім свеце (успаміны з вайсковага жыцця) / Язэп Драздовіч. Праз цёрні да зорак: успаміны, артыкулы, прысвячэнні, мастацкія творы / уклад. Міхася Казлоўскага. — Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. — С. 512—541.
3. Николаев, А. Б. Отрезанные головы Февральской революции / Андрей Николаев // 90 лет Февральской революции в России: сборник статей оп материалам межвузовской научной конференции, 12 марта 2007 г. — Санкт-Петербург: Элексис Принт, 2007. — С. 33—42.
4. Ходнев, Д. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Институт российской истории РАН; отв. ред. П. В. Волобуев; ред.: В. П. Булдаков, С. М. Исхаков, В. Л. Телицын. — М.: Ин-т российской истории РАН, 1997. — 399 с.
5. Чапкевич, Е. И. Русская гвардия в Февральской революции / Е. И. Чапкевич // Вопросы истории. 2002. — № 9. — С. 3—16.

Мельникова Алеся Сергеевна

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(Могилев, Беларусь)*

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУДОВОЙ НАРОДНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Февральская революция 1917 г. стала началом демократических преобразований в различных сферах жизни Российского государства. Временное правительство стремилось найти пути выхода из внутреннего кризиса в стране. Однако, будучи временной властью, правительство считало себя не вправе начинать более решительные преобразования до созыва Учредительного собрания. Такая позиция нашла как противников, так и союзников. К последним относились умеренные неонародники — трудовики и народные социалисты (энесы).

Трудовая группа, трудовики (с апреля 1917 г. — партия) и Народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы) организационно оформились в 1906 г. Связанные многолетним политическим сотрудничеством, данные партии приняли решение о слиянии в единую Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП) в июне 1917 г. Определяющими факторами для данного шага явились близость теоретических и практических принципов